

Глава 12. Объявление о свадьбе

—

Через неделю после официального подписания контракта Чжу Мин решил объявить о своей свадьбе общественности.

Круг общения Чжу Мина был чрезвычайно чист и делился на две основные категории: Чжу Инъин и его поклонники.

С Чжу Инъин все было прекрасно улажено одним ужином, а с другой стороны Чжу Мин тоже не стал тянуть и во время прямой трансляции мимоходом сообщил своим поклонникам о свадьбе.

«Правда, не спрашивайте больше. Человек из шестого округа, ювелирный дизайнер, моложе меня, остальное не могу разглашать».

Сложив медицинские карты на столе, Чжу Мин почувствовал жажду и небрежно махнул рукой: «И, возможно, в будущем я смогу провести несколько выездных консультаций. Не буду долго болтать, на сегодня закончим».

Он был занят поисками воды и поспешно покинул прямую трансляцию.

Совершенно не обратив внимания на то, что чат был завален вопросительными знаками и комментариями вроде: «Разве в шестом округе так много известных молодых ювелирных дизайнеров?», «Неужели это тот, о ком я думаю?».

Вернувшись из кухни с тарелкой фруктов, Чжу Мин увидел Чжоу Чжоу, державшего в руках телефон и не решавшегося что-то сказать: «Брат Чжу, ты и Си Сяньцин сейчас в топе поиска».

Чжу Мин, с куском арбуза во рту: «...А?»

Пять минут спустя Чжу Мин отложил телефон и с досадой сказал: «Как странно, я ведь даже имени не называл! Как они догадались?»

«Во-первых, то, что вы устроили на дне рождения с этими объятиями принцессы, уже породило немало слухов».

Чжоу Чжоу был разочарован: «Во-вторых, я не буду долго говорить о том, насколько популярен Си Сяньцин. Если бы он пошел в индустрию развлечений, это была бы настоящая буря. А учитывая предоставленную тобой информацию действительно легко догадаться».

«Наконец, надеюсь, брат Чжу, ты имеешь некоторое представление о своей собственной популярности».

Чжоу Чжоу весело произнес, а стоящая позади него косуля тоже покачала головой: «Ты знаешь, сколько времени мне приходится тратить каждый день на обработку твоих личных сообщений? Ты знаешь, сколько предложений от агентств я отклонил для тебя?!»

Чжу Мин действительно немного испугался.

Он просто хотел дать объяснение своим поклонникам, но сильно недооценил их количество и известность Си Сяньцина, а также не ожидал, что скорость распространения информации в современных потоковых медиа будет такой высокой.

Он немного забеспокоился о том, как это может повлиять на Си Сяньцина, и, немного поколебавшись, все же отправил ему сообщение: «Прости, я не думал, что все так обернется. У тебя не будет проблем?»

Через некоторое время Си Сяньцин ответил: «Все в порядке».

Чжу Мин не думал, что у него действительно все в порядке.

Однако они были всего лишь партнерами по соглашению, а не настоящей парой. Раз Си Сяньцин сказал, что все в порядке, Чжу Мин решил на этом остановиться и не стал настаивать на правдивом ответе.

Си Сяньцин тоже на самом деле не был в порядке.

Эта новость появилась довольно неожиданно. В тот момент Си Сяньцин переодевался к званому ужину.

Е Лу положила телефон и с легкой тревогой спросила: «Может быть, сегодня вечером на семейном ужине ты скажешь дедушке, что занят подготовкой к тесту, и мы пока переждем бурю?»

Си Сяньцин бросил взгляд на экран телефона и отвел глаза: «Нет нужды».

«Рано или поздно все равно узнают», – опустив глаза, он немного ослабил ремешок часов, – «Лучше я сам скажу, чем кто-то раньше времени пустит слух. Может быть, кто-то раньше времени запаникует».

Е Лу немного подумала и тут же не удержалась от смеха: «Боюсь, второй дядя уже давно потерял терпение и уже думает, как бы сегодня вечером доставить тебе неприятности».

Сегодня был день весенних цветов в шестом округе, что означало конец весны и начало лета, время, когда цветы и травы наиболее живые и буйные. Хотя это был и не самый главный праздник в году, он имел символическое значение единения и счастья. По традиции семьи Си, они в этот день собирались на совместный ужин.

В семье Си много членов, и место проведения семейного банкета тоже большое, поэтому они часто освобождают место для банкета, чтобы было тихо.

Однако, как только Си Сяньцин вышел из машины у ресторана, из угла донесся резкий детский плач.

Повернув голову, он увидел богато одетую женщину, дергавшую маленькую девочку за ухо: «Как так получилось, что ты не можешь вспомнить это короткое поздравительное послание? Ты заикаешься. Как ты потом собираешься прочесть его своему дедушке?»

Девочка плакала, задыхаясь. Ее духовной формой была маленькая желтая канарейка, которая дрожала, прижавшись к ногам хозяйки.

Си Сяньцин совершенно не интересовался вмешательством в чужие семейные дела, но, глядя на следы слез на лице девочки, он все же остановился и спокойно произнес: «Невестка».

Женщина, которая только что хотела что-то выговорить, подняла голову, увидела Си Сяньцина, ее лицо тут же застыло, и она потянула девочку за собой: «Ах... это Сяньцин».

Си Сяньцин: «Пора заходить».

«Да, да», – женщина неловко отступила на шаг, – «Мы сейчас зайдем».

Си Сяньцин взглядом проводил всхлипывающую девочку, не говоря ни слова.

Е Лу покачала головой: «Все изо всех сил стараются, чтобы их дети понравились дедушке. Бедные дети, им всего семь-восемь лет, самое время играть, а их так сильно сковывают».

Си Сяньцин отвел взгляд: «Пойдем».

Официант распахнул двери банкетного зала, и в тот момент, когда Си Сяньцин вошел, огромный зал мгновенно затих.

На него устремились самые разные взгляды – деланно-доброжелательные, неопределенные, но большинство с оттенком зависти и насмешки. За столько лет Си Сяньцин уже привык к этому и спокойно направился вглубь зала.

Во главе круглого стола сидел пожилой мужчина в очках, с невозмутимым выражением лица, за спиной которого стоял бодрый белый журавль – это был самый известный эксперт по гражданскому строительству, нынешний представитель округа Си Цзяньфэн, внесший за десятилетия неоценимый вклад в развитие архитектуры.

Си Цзяньфэн положил на стол четки из алойного дерева и жестом подозвал Си Сяньцина: «Сяньцин, иди сюда, садись».

Си Сяньцин кивнул: «Дедушка».

Справа от Си Цзяньфэна сидела молодая женщина с короткой стрижкой и острым взглядом – Си Сэнь.

Места слева и справа от главы стола занимали двое молодых людей, что более чем ясно указывало на то, что если Си Цзяньфэн через несколько лет уйдет, место представителя достанется одному из этих двоих.

В молодости Си Цзяньфэн был известен как знаменитый сердцеед, трижды менял жен и имел в общей сложности пять сыновей и двух дочерей.

Все эти дети были талантливы в искусстве и в ранние годы считали себя преемниками Си Цзяньфэна. На людях они демонстрировали братскую любовь, но за спиной вели ожесточенную борьбу, которая заключалась в том, чтобы разрушить вывеску магазина каллиграфии соперника или плюнуть на его выставке картин.

Но прошло несколько десятилетий, технологии развивались, медицина совершила стремительный скачок, и дедушка дожил до девяноста с лишним лет. Его дети поседели и потеряли всякое желание бороться.

Поняв, что им не светит стать представителями, каждая семья начала новую гонку за потомством – каждая семья беспокоилась о чужих бедах даже больше, чем о своих собственных детях. Вы высмеиваете недостаток художественного таланта моей дочери, а я обвиняю вашего сына в неподобающем поведении.

Любое дуновение ветра становилось поводом для обсуждения и преувеличения на семейном ужине, и все это для того, чтобы их собственного ребенка Си Цзяньфэн заметил хотя бы одним взглядом.

За несколько лет борьбы в итоге осталось всего два безупречных кандидата.

Одна из них – Си Сэнь, дочь второго дяди Си Сяньцина, выросла в центре внимания и была известной талантливой женщиной.

Другим был Си Сяньцин.

Талант Си Сяньцина стал неожиданностью для всех, потому что его отец Си Минсун, четвертый сын Си Цзяньфэна, считался позором семьи, о котором не принято было говорить.

Романтичный художник-импрессионист, который в молодости сбежал из дома и умер где-то вдали, и только тогда семья Си узнала о существовании его сына и дочери и забрала их к себе.

Когда Си Сяньцин впервые появился в доме Си, ему было всего пять-шесть лет. Маленький мальчик с лицом, белым как снег, крепко держал за руку свою сестру и молча стоял у дверей дома Си.

Изначально все считали его всего лишь птенцом, не заслуживающим внимания, но оказалось, что это необработанный алмаз, который в подростковом возрасте молча преобразился и в итоге засиял ярким светом.

Когда все опомнились, его талант уже поразил всех до глубины души.

Этот семейный ужин всегда планировался по очереди, каждая семья придумывала способы угодить бабушке. На этот раз очередь дошла до второго дяди Си Сяньцина, Си Хунмина, отца Си Сэнь.

Цель этого ужина была очевидна для всех: еще раз, перед началом проверки, произвести хорошее впечатление на бабушку Си от имени Си Сэнь.

Духовной формой Си Хунмина был шумный разноцветный ара, и он всегда организовывал такие мероприятия очень помпезно - в качестве украшения стола были выбраны самые дорогие в сезоне пионы, хризантемы и орхидеи, а чайный сервиз был расписан эмалью «тысяча цветов», демонстрируя крайнюю роскошь и в то же время соответствие праздничной тематике.

Си Хунмин с усердием сказал: «Папа, сейчас сезон кордицепса, попробуйте этот суп».

Си Сяньцин ложкой помешал суп в супнице.

Ягоды годжи - не любит; красные финики - не любит; уродливый кордицепс - очень не любит.

Неожиданно в голове всплыло воспоминание о простом домашнем блюде - фаршированном клейком рисе.

Его рука на мгновение замерла, но в итоге он все же выпил немного супа, потому что к концу этого ужина ему, вероятно, понадобятся силы, чтобы справиться с ситуацией.

Этот семейный ужин был вотчиной Си Хунмина, и его чрезвычайно болтливый рот не закрывался ни на минуту.

Он говорил об искусстве, о культуре, а когда захмелел, перешел к обсуждению красивых женщин и романтических историй, совершенно не обращая внимания на то, что рядом сидят его жена и дети.

Си Сэнь не скрывала своего отвращения и встала, сказав, что хочет выйти подышать свежим воздухом.

Через несколько минут Си Хунмин вдруг воскликнул «Айя!», словно что-то вспомнив: «Вот ведь какой я болтун, как начну говорить, не остановишь. Все о себе да о себе».

«Кстати, Сяньцин, сегодня утром я видел в новостях, что ты и кто-то из седьмого округа... собираетесь пожениться?»

Он сначала многозначительно помолчал, а затем, притворно удивившись, спросил: «Это правда или нет?»

«Да, и я слышал, что у него еще и с ногами не все в порядке?»

Жена Си Хунмина, Чжан Юань, тоже поддержала его: «Сяньцин, твои родители рано ушли, и только родные могут тебе что-то подсказать. Молодые люди, они все импульсивны в вопросах любви. Люди из седьмого округа, в конце концов, не наши попутчики».

«Тем более, если это человек из седьмого округа, который не может ходить», – с вздохом подчеркнул Си Хунмин.

Не давая передышки, он обрушил на него серию нападок, казалось бы, проявляя заботу, но в каждом слове звучало обвинение Си Сяньцина в импульсивности и безрассудстве, в нескольких словах превратив его в безрассудного юнца, ослепленного любовью.

«Мои родители действительно рано ушли, поэтому с самого детства все трудности, с которыми сталкивались мы с сестрой, мы преодолевали сами».

Си Сяньцин спокойно сказал: «Как странно, тогда я не видел, чтобы вы хоть раз поинтересовались, как у нас дела, а сегодня вдруг стали таким заботливым и беспокоитесь о моей личной жизни?»

Си Хунмин не ожидал, что он ответит так прямо, и его лицо позеленело: «Ты что, ради человека из другого округа можешь так разговаривать с родственниками и старшими?»

Выражение лица Си Цзяньфэна оставалось невозмутимым, он лишь перебирал четки из алойного дерева и спустя долгое время спросил: «Когда вы познакомились? И что случилось с ногами у этого ребенка?»

Си Сяньцин: «Мы познакомились в начале года. Несколько лет назад произошел несчастный случай, повреждение спинного мозга».

Си Цзяньфэн нахмурился: «Почему свадьба так скоро? Место уже выбрали?»

Си Сяньцин покачал головой и спокойно сказал: «Мы уже решили, что хотим быть вместе, и нам не нужны сложные церемонии. Мы просто хотим поскорее дать друг другу обещание».

Эти слова поразили всех.

Жители шестого округа известны своей любовью к церемониям и хорошему мнению о себе. Даже день рождения они стараются отметить с большим размахом, чтобы превзойти других, не говоря уже о таком важном событии, как свадьба.

Си Хунмин подсознательно почувствовал что-то неладное и возразил: «Как же так? Брак – это не детская игра, нельзя так легкомысленно к этому относиться...»

Си Сяньцин ничего не сказал.

«Ты весь в отца», – Си Цзяньфэн на мгновение остановил большой палец, перебиравший четки, и посмотрел на Си Сяньцина, – «Если вы любите друг друга и доверяете друг другу, то дать обещание как можно скорее – это хорошо».

Си Хунмин слегка приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но Си Цзяньфэн перебил его: «В следующий раз, когда этот ребенок будет свободен, приведи его домой на обед».

Несколько человек за столом, которые уже были готовы что-то сказать, тут же замолчали.

Слова «приведи домой» означали, что Си Цзяньфэн уже принял этого человека как члена семьи, и любое дальнейшее ворчание было бы оскорблением Си Цзяньфэна.

Си Сяньцин тоже был поражен и спустя долгое время сказал: «Хорошо».

Этот ужин прошел в атмосфере всеобщей подозрительности. Си Сяньцин не собирался задерживаться и после еды под каким-то предлогом ушел первым.

Как только он вышел, то столкнулся с Си Сэнь, которая дышала свежим воздухом у окна.

Духовной формой Си Сэнь был черный ворон, который спокойно стоял рядом с ней.

Ворон настороженно посмотрел на Си Сяньцина, затем взлетел на плечо хозяйки, предупреждая о приближении кого-то. Си Сэнь повернула голову и посмотрела на Си Сяньцина.

Хотя они и были главными соперниками, на самом деле не Си Сэнь, а ее отец Си Хунмин постоянно выступал против Си Сяньцина.

Сейчас, когда они столкнулись лицом к лицу, хотя и возникло некоторое молчание, напряженной враждебности не было.

«Послезавтра я отправлюсь в первый округ, чтобы начать тестирование».

Си Сэнь первой нарушила молчание: «Хотя мои родители больше заинтересованы в должности представителя, я уважаю этот конкурс и приложу все усилия».

Сделав паузу, она прямо сказала: «И да, заранее поздравляю тебя со свадьбой».

Си Сэнь окончила ведущую школу дизайна одежды шестого округа и полностью сосредоточилась на развитии своей студии высокой моды. Она была талантливой, прямолинейной и откровенной.

Они были достойными и уважаемыми соперниками.

Поэтому Си Сяньцин кивнул: «Спасибо».

Си Сэнь кивнула и, пройдя мимо него, направилась в банкетный зал.

Сев в машину, Си Сяньцин почувствовал вибрацию телефона в кармане. Он посмотрел вниз и увидел файл, присланный Чжу Мином.

Чжу Мин: «Это первый вариант моего плана лечения, взгляни».

Сразу же пришло еще одно сообщение: «Ах да, кстати, 'Средство для мытья посуды' нужно фотографировать каждый день и присылать мне. Четыре ракурса: спереди, сзади, слева, справа, плюс вид сверху. Мне нужно вести долгосрочную запись его формы».

Наконец, он добавил: «И особенно перья на заднице, снимите мне крупным планом».

Си Сяньцин все еще не мог привыкнуть к прозвищу 'Средство для мытья посуды' и ответил:

«...Обязательно каждый день?»

Чжу Мин ответил через некоторое время: «У меня есть вопрос».

Си Сяньцин ответил вопросительным знаком.

Но больше сообщений не приходило.

Через десять секунд Чжу Мин прислал голосовое сообщение.

Открыв его, Си Сяньцин услышал мягкий и нежный голос: «Прости, а кто из нас врач, я или ты?»

Си Сяньцин: «...»

Последний слог был слегка восходящим, и даже через экран можно было представить, как этот человек сидит в инвалидной коляске, улыбаясь одними глазами и вызывающе смотрит на него.

Си Сяньцин с невозмутимым видом держал руку над полем для ввода текста.

Но почему-то в итоге он сдвинул палец и отправил голосовое сообщение: «...Не торопи, я не дома, вернусь и сфотографирую».

—

Автору есть что сказать:

Критерии выбора еды большого павлина: не изысканное – не ест, слишком острое – не ест, жирное – не ест, некрасивое – не ест.

Оценка еды в доме маленького лисенка: просто, но с горем пополам съедобно.

—

<http://bllate.org/book/14498/1283119>